

УДК 811.112.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Конфронтационные стратегии и тактики как средства репрезентации речевой агрессии в политической коммуникации (на материале выступления Олафа Шольца)

Наталья Владимировна Полякова¹, Сергей Евгеньевич Хоменко², Ольга Александровна Лузик³

^{1, 2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия*

¹ *nvp@tspu.edu.ru*

² *sanfrond.white@gmail.com*

³ *andrejewal88@gmail.com*

Аннотация

В политической коммуникации в настоящее время используется целый комплекс конфронтационных речевых стратегий и тактик, направленных на дискредитацию оппонентов в условиях ведения информационной войны, а также навязывания своей точки зрения и формирования определенного общественного мнения относительно дискредитируемых объектов. Конфронтационная стратегия предоставляет говорящему возможность эксплицировать отрицательное отношение к своему оппоненту, враждебность и готовность вступить в конфликт для достижения собственных целей, игнорируя цели, интересы другой стороны. Конфронтационная стратегия сопряжена с отступлением и даже нарушением нравственных и этических норм. К числу конфронтационных речевых стратегий относятся стратегии подчинения и убеждения, дискредитации. Каждая из стратегий реализуется при помощи различных речевых тактик. Для эффективного противодействия угрозам негативного информационного воздействия представляется необходимым выявить применяемые речевые стратегии и тактики, используемые федеральным канцлером Германии Олафом Шольцем, что обуславливает актуальность исследования. Изучение конфронтационных стратегий и тактик в речи О. Шольца, воздействующих на массовую аудиторию и направленных на дискредитацию как самого образа России, так и российской внешней политики, является целью проводимого исследования. Источником материала исследования послужила программная речь Олафа Шольца, с которой он выступил перед федеральным правительством Германии 27 февраля 2022 г. Данная речь стала реакцией ФГР на начало Российской Федерацией специальной военной операции. Для достижения поставленной цели использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического анализа. В статье проводится анализ двух конфронтационных стратегий, применяемых Олафом Шольцем: дискредитации, подчинения и убеждения. Стратегия дискредитации используется чаще, чем стратегия подчинения и убеждения. Выявлены следующие дискредитирующие тактики: обвинения, негативного прогнозирования и поляризации. Стратегия подчинения и убеждения объективируется при помощи угрозы и приказа. Конфронтационные тактики выступают как автономно (изолированно), так и в сочетании друг с другом (комбинированно).

Ключевые слова: *речевая агрессия, конфронтационная речевая стратегия, стратегия дискредитации, стратегия подчинения и убеждения, речевая тактика, политическая коммуникация, немецкий язык, Олаф Шольц*

Для цитирования: Полякова Н. В., Хоменко С. Е., Лузик О. А. Конфронтационные стратегии и тактики как средства репрезентации речевой агрессии в политической коммуникации (на материале выступления Олафа Шольца) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 84–92. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Confrontational strategies and tactics as a means of representing speech aggression in political communication (based on Olaf Scholz's speech)

Natalya V. Polyakova¹, Sergey E. Khomenko², Olga A. Luzik³

^{1, 2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *nvp@tspu.edu.ru*

² *sanfrond.white@gmail.com*

³ *andrejewal88@gmail.com*

Abstract

Nowadays, political communication uses a whole range of confrontational speech strategies and tactics aimed at discrediting opponents in an information war, as well as imposing their point of view and forming a certain public opinion regarding discredited objects. A confrontational strategy provides the speaker with the opportunity to express a negative attitude towards his opponent, hostility and willingness to enter into conflict to achieve his own goals, ignoring the goals and interests of the other side. A confrontational strategy involves retreat and even violation of moral and ethical norms. Confrontational speech strategies include strategies of submission and persuasion, discrediting. Each of the strategies is implemented using different speech tactics. In order to effectively counter the threats of negative information impact, it is necessary to identify the speech strategies and tactics used by the German Federal Chancellor Olaf Scholz, which determines the relevance of the study. The purpose of the research is to study the confrontational strategies and tactics in O. Scholz's speech, affecting a mass audience and aimed at discrediting both the image of Russia itself and Russian foreign policy. The source of the research material was Olaf Scholz's keynote speech, which he delivered to the German Federal Government on February 27, 2022. This speech was the FGR reaction to the beginning of a special military operation by the Russian Federation. Descriptive and comparative methods along with contextual analysis techniques, as well as definitional, semantic analysis were used to achieve this goal. The article analyzes two confrontational strategies used by Olaf Scholz: discrediting, submission and persuasion. The discrediting strategy is used more often than the strategy of submission and persuasion. The following discrediting tactics have been identified: accusation, negative forecasting and polarization. The strategy of submission and persuasion is objectified with the help of threats and orders. Confrontational tactics act both autonomously (in isolation) and in combination with each other (combined).

Keywords: *speech aggression, confrontational speech strategy, discrediting strategy, strategy of submission and persuasion, speech tactics, political communication, the German language, Olaf Scholz*

For citation: Polyakova N. V., Khomenko S. E., Luzik O. A. Konfrontatsionnyye strategii i taktiki kak sredstva reprezentatsii rechevoy agressii v politicheskoy kommunikatsii (na materiale vystupleniya Olafa Shol'tsa) [Confrontational strategies and tactics as a means of representing speech aggression in political communication (based on Olaf Scholz's speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 84–92 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Введение

Феномен речевой агрессии вызывает повышенный интерес ученых и часто становится объектом исследования в современной лингвистике, психологии, социологии, конфликтологии, теории коммуникации [1–4]. Значительный интерес исследователей к данному феномену обусловлен его широким распространением в разных сферах коммуникативного взаимодействия, особенно в тех из них, которые характеризуются повышенной конфликтностью, напряженностью, борьбой за доминирование определенных сил – в политическом, медийном, интернет-дискурсе, дискурсе массовой культуры и др. Проявления речевой агрессии создают деструктивный фон для коммуникации, препятствуя установлению атмосферы взаимопонимания и сотрудничества между ее участниками. Речевая агрессия является препятствием для конструктивного диалога, провоцирует конфликты.

Одну из наиболее полных дефиниций речевой агрессии предлагает Т. А. Воронцова: «Речевая агрессия – это вторжение в коммуникативное пространство личности, совершаемое посредством употребления определенных речевых стратегий и тактик с целью оскорбить, унижить, обесчестить или иным образом причинить вред адресату» [5, с. 12].

Е. И. Шейгал четко разграничивает прямые, эксплицитные (инвективные) виды речевой агрессии

и ее опосредованные, имплицитные проявления, включающие намеки, иносказания, различные манипулятивные приемы [6].

Анализируя специфику речевой агрессии в политическом дискурсе, В. Н. Базылев рассматривает ее как одно из ярчайших проявлений повышенной эмоциональности, конфликтности и напряженности данной коммуникативной сферы. По его мнению, к основным типичным видам речевой агрессии в политике относятся оскорбления, угрозы, демонстративное невежливое и провокационное поведение, намеренное перебивание, игнорирование и бойкот оппонентов [7].

А. Г. Алтунян фокусирует внимание на таких распространенных в политическом дискурсе проявлениях речевой агрессии, как ярлыкирование (навешивание негативных клеймящих ярлыков на оппонента), принижение и обесценивание его личности, роли и значимости, умаление важности его взглядов и позиции [8].

О. С. Иссерс, крупнейший специалист в области теории речевых стратегий и тактик, включает в число основных видов реализации стратегии речевой агрессии обвинение, оскорбление, угрозу (как прямую, так и косвенную), издевку, упрек, демонстративное несогласие и противопоставление своей позиции оппоненту, ее превознесение [9]. Развернутую классификацию типичных видов проявлений речевой агрессии предлагает Н. Б. Руженцева:

- дискредитация личности оппонента, его позиции и взглядов;
- оскорбления, применение инвективной лексики;
- клевета, распространение заведомо ложных сведений о собеседнике;
- неуважительное, пренебрежительное отношение;
- использование некорректных оскорбительных характеристик и негативных ярлыков в адрес оппонента;
- намеренное перебивание, игнорирование реплик собеседника;
- использование грубых форм обращения, фамильярности;
- проявление высокомерия и пренебрежения к мнению оппонента;
- нарушение принципов коммуникативной вежливости и толерантности [1].

Проведенный обзор разных точек зрения на феномен речевой агрессии показывает, что она проявляется крайне многопланово. При этом речевая агрессия распространена практически во всех сферах общения, однако наиболее интенсивно используется в дискурсах с повышенной конфликтностью и напряженностью – политическом, медийном, интернет-коммуникации, корпоративном дискурсе и др. В таких конфликтных сферах речевая агрессия используется в качестве инструмента воздействия на оппонента и аудиторию с целью достижения определенных прагматических задач: дискредитации противника, мобилизации сторонников, формирования нужного общественного мнения и т. п.

Влияние речевой агрессии на коммуникативные процессы имеет преимущественно деструктивный, разрушительный характер. Проявления речевой агрессии создают атмосферу напряженности и враждебности, препятствуют конструктивному диалогу, разрушают доверие между коммуникантами, нарушают коммуникативное равновесие. Таким образом, в целом речевая агрессия способствует эскалации конфликтов в межличностных и социальных отношениях.

Изучение феномена речевой агрессии в его многообразных проявлениях, анализ факторов и условий, способствующих его распространению, а также выработка стратегий и механизмов противодействия речевой агрессии и замещения ее конструктивными формами речевого взаимодействия представляется актуальной междисциплинарной задачей, направленной на оздоровление коммуникативного пространства современного общества.

Цель статьи заключается в исследовании конфронтационных стратегий и тактик, репрезентирующих речевую агрессию в речи федерального канцлера Олафа Шольца.

Материал и методы

Источником материала исследования выступила стенограмма выступления канцлера ФРГ Олафа Шольца на экстренном заседании правительства ФРГ от 27 февраля 2022 г., посвященная началу специальной военной операции [10].

Эмпирическую базу исследования составляют контексты, актуализирующие две конфронтационные стратегии: дискредитации, подчинения и убеждения, а также репрезентирующие их тактики обвинения, угрозы, негативного прогнозирования, поляризации, приказа.

Для достижения поставленной цели в исследовании используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического анализа.

Результаты и обсуждение

Речевая тактика является одним из ключевых понятий в современной теории речевого воздействия и речевых стратегий. Она представляет собой «конкретный речевой ход в процессе реализации той или иной стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи этапа в достижении глобальной коммуникативной цели» [9, с. 110]. Таким образом, речевая тактика – это конкретное языковое воплощение речевой стратегии в рамках определенного речевого события.

Термин «речевая тактика» тесно связан с понятиями речевой стратегии, речевого акта и речевого воздействия. Речевая стратегия представляет собой «совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [9, с. 100]. Стратегия реализуется через набор речевых тактик. Речевое воздействие представляет собой «оказание влияния на сознание, эмоции, установки и поведение адресата посредством речи» [11]. Речевые тактики служат важным инструментом речевого воздействия и достижения коммуникативных целей. Место речевой тактики в теории речевых стратегий раскрывается в трудах многих отечественных лингвистов [9, 12, 13].

По мнению О. С. Иссерс, «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных ситуаций общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [9, с. 109].

Речевые тактики представляют собой конкретные речевые действия в рамках реализации стратегии. Основными характеристиками речевой тактики являются:

- целенаправленность. Каждая речевая тактика преследует определенную цель, которая вписывается в общую коммуникативную стратегию говорящего. Как отмечает О. Н. Паршина, «тактики репрезентируются последовательностью практиче-

ских ходов, рассчитанных на определенную реакцию участников коммуникативного акта» [12, с. 56]. Цель тактики может быть самой разнообразной – убедить, похвалить, упрекнуть, дискредитировать и т. д.;

– ситуативность. Выбор конкретной речевой тактики определяется коммуникативной ситуацией: статусно-ролевыми отношениями участников, их коммуникативными целями и намерениями, хронотопом общения [9]. Одна и та же стратегия может реализовываться с помощью разных тактик в разных ситуациях;

– конвенциональность. Речевые тактики базируются на принятых в данном языковом сообществе нормах и конвенциях общения. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «речеповеденческие тактики – это своего рода правила речевого поведения носителей языка, усвоенные ими с детства и действующие в их подсознании» [14, с. 652]. Конвенциональность обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами.

Помимо названных основных характеристик, исследователи выделяют и другие свойства речевых тактик, такие как адресность, мотивированность, вариативность, прагматичность, контекстуальность и др. [15, 16].

Политическая коммуникация характеризуется резким противостоянием позиций, противоборством сил за влияние на общественное сознание. Риторика нападок и очернения конкурентов, нередко переходящая в прямую диффамацию, является типичной для данной сферы. Обширный арсенал речевых тактик направлен здесь на подрыв авторитета, репутации и доверия к оппонентам, их программам и взглядам.

В лингвистической литературе выделяют два типа речевых стратегий: конфронтационные и кооперативные [17]. Если первые стратегии, объективируя речевую агрессию, приводят к конфронтации, то вторые направлены на консолидацию, поиск компромиссов и учет интересов каждой из сторон.

Стратегия дискредитации, являясь одной из конфронтационных стратегий, направлена на подрыв авторитета, умаление достоинства оппонента, а также формирование определенного общественного мнения относительно объекта дискредитации, а стратегия подчинения и убеждения – на демонстрацию своего превосходства над оппонентом и принуждение к совершению определенных действий, которые выгодны адресанту, но идут вразрез с интересами адресата [4].

Стратегия дискредитации реализуется посредством целого комплекса конфронтационных тактик: обвинения, оскорбления, поляризации, негативного прогнозирования.

Тактика обвинения направлена на объявление кого-либо виновным в чем-либо, приписывание вины, а также негативное оценивание как самого объекта дискредитации, так и его действий, поступков, намерений и т. п. [18].

Тактика оскорбления заключается в унижении оппонента, высмеивании его недостатков и слабых сторон (как реально существующих, так и приписываемых объекту дискредитации).

Тактика поляризации реализуется при помощи противопоставления «мы»/«они», при этом «они» наделяются преимущественно негативными чертами по сравнению с другой стороной.

Тактика негативного прогнозирования заключается в навязывании негативного развития событий как единственно возможного.

Для объективации стратегии подчинения и убеждения используются такие речевые тактики, как угроза, упрек и приказ.

Угроза заключается в постулировании адресантом намерения причинить вред адресату. Упрек – указание оппоненту на недостатки, просчеты, ошибки, которые, с точки зрения адресанта, должны быть устранены. Приказ – это принуждение адресата к выполнению/отказу от выполнения каких-либо действий.

Исследование конфронтационных стратегий и тактик в политической коммуникации осуществлялось на материале выступления Олафа Шольца. Выступление федерального канцлера Германии на экстренном заседании правительства ФРГ 27 февраля 2022 г. стало реакцией на начало Российской Федерацией специальной военной операции. Данная речь отличается от многих речей Олафа Шольца своей агрессивностью, эмоциональностью и беспепелляционностью. Проведенный анализ позволил выявить использование канцлером двух конфронтационных речевых стратегий: дискредитации, подчинения и убеждения, реализующихся целым арсеналом тактик.

Стратегия дискредитации реализуется в речи О. Шольца при помощи тактик обвинения, поляризации, негативного прогнозирования.

Тактика обвинения

В исследуемой программной речи тактика обвинения реализуется как автономно, так и в сочетании с другими конфронтационными тактиками. При этом тактика обвинения является лидирующей по своей частотности.

Начало данной эмоциональной речи содержит серию обвинений, объективируемых при помощи лексических и фразеологических единиц: *Mit dem Überfall* ‘нападение’, *hat... kaltblütig einen Angriffskrieg vom Zaun gebrochen* ‘хладнокровно начал агрессивную войну’, *sein eigenes Unterdrückungsregime* ‘его

собственный репрессивный режим'. Обвинения сопровождаются лексемами с негативной семантикой: *menschenverachtend* 'бесчеловечно', *völkerrechtswidrig* 'нарушает международное право' [10].

Усилению обвинительного потенциала способствует фраза *Das ist durch nichts und niemanden zu rechtfertigen* [10] 'Это ничем и никем не может быть оправдано', в которой тяжесть обвинения репрезентируется использованием двух отрицательных местоимений *nichts* и *niemand*. Следует отметить, что за время своего выступления канцлер использует повтор как средство обличения оппонента: трижды он упоминает о нападении на Украину, 27 раз называет фамилию президента РФ, тем самым четко обозначая объект своей агрессии и причину выдвигаемых обвинений.

Продолжение речи приносит новое обвинение в беспринципности – *die ganze Skrupellosigkeit*, проявляющейся на фоне ужасных кадров из разных украинских городов – *die schrecklichen Bilder*. Данные обвинения усиливаются при помощи эпитетов.

К ранее предъявленным обвинениям добавляются обвинения в стремлении 'стереть независимую страну с карты мира' – *...will Putin nicht nur ein unabhängiges Land von der Weltkarte tilgen*, в 'уничтожении европейской системы безопасности' – *zertrümmert die europäische Sicherheitsordnung* и даже в исключении из мирового сообщества – *Er stellt sich auch ins Abseits der gesamten internationalen Staatengemeinschaft* [10].

Тактика обвинения объективируется при помощи модального глагола *wollen*, эпитетов и лексических единиц с оценочной семантикой.

Обвинение в желании построить Российскую империю – *Putin will ein russisches Imperium errichten* – усиливает использование модального глагола *wollen*, обозначающего твердое намерение [10].

Нежелание участвовать в диалоге, неготовность к нему является еще одним обвинением, предъявляемым Шольцом президенту РФ, – *Daran mangelt es aufseiten Putins ganz offensichtlich* [10], репрезентируемым при помощи глагола *mangeln* 'недоставать, испытывать недостаток в чем-либо'.

Обвинения в нападении на независимую страну сопровождаются эпитетом *rechtfertigender* 'неоправданный', для усиления обвинительного эффекта Олаф Шольц уточняет, что неоправданным было не только нападение на независимую страну, но и на мирный порядок в Европе и во всем мире – *auf die Friedensordnung in Europa und in der Welt* [10]. Оратор прибегает к перечислению, при этом каждый из перечисляемых элементов является крупнее предыдущего: независимая страна – Европа – весь мир.

Помимо автономного применения тактики обвинения, выявлены также случаи ее комбинирования с тактиками угрозы и негативного прогнозирования.

В одном из контекстов выдвигается обвинение в том, что президент Путин, напав на Украину, создал новую реальность – *...hat Präsident Putin mit seinem Überfall auf die Ukraine eine neue Realität geschaffen* [10]. В данном фрагменте вновь упоминается не только фамилия, но и должность В. В. Путина. Персонификация ответственности за нападение на Украину достигается не только упоминанием президента РФ, но и использованием притяжательного местоимения *sein* в сочетании с существительным *Überfall*.

Далее федеральный канцлер Германии переходит к прямым угрозам о поставках вооружения на Украину: *...dass Deutschland der Ukraine Waffen zur Verteidigung des Landes liefern wird* [10] 'Германия поставит Украине оружие для защиты страны'.

После угрозы поставок оружия предпринимается попытка объяснения принятого решения, содержащая очередное обвинение в агрессии, – *Auf Putins Aggression konnte es keine andere Antwort geben* [10] 'На агрессию со стороны Путина не может быть иного ответа'.

Помимо сочетания с тактикой угрозы, тактика обвинения используется в выступлении Олафа Шольца в комбинации с тактикой негативного прогнозирования: *Präsident Putin redet dabei stets von unteilbarer Sicherheit. Tatsächlich aber will er gerade mit Waffengewalt in altbekannte Einflussphären teilen. Das hat Folgen für die Sicherheit in Europa* [10]. Первые два предложения объективируют тактику обвинения в намерении разделить сферы влияния при помощи оружия. Тактика поддерживается использованием модального глагола *wollen* и лексических единиц-экспликантов обвинения. Третье предложение эксплицирует негативный прогноз о последствиях для безопасности в Европе.

Реализация тактики обвинения происходит также и при помощи сравнения: *Kriegstreibern wie Putin* [10] 'разжигатели войны как Путин'.

Помимо тактики обвинения, были выявлены еще две дискредитирующие тактики: поляризации и негативного прогнозирования.

Тактика поляризации

В анализируемой речи используется тактика поляризации, реализующаяся посредством множества оппозиций, представленных как эксплицитно, так и имплицитно. Основная оппозиция – это эксплицитное противопоставление России и Украины, которую поддерживают ФРГ и другие страны Евросоюза. Противопоставляемая Российской Федерации сторона борется за демократию, ценности,

которые Германия разделяет с Украиной: *...kämpfen für Freiheit und ihre Demokratie, für Werte, die wir mit ihnen teilen* [10]; все демократы и европейцы стоят на их стороне – *Als Demokratinnen und Demokraten, als Europäerinnen und Europäer stehen wir an ihrer Seite* [10], при этом данная позиция оценивается Олафом Шольцом как единственно правильная: *auf der richtigen Seite der Geschichte* [10] ‘на правильной стороне истории’.

Большой конфронтационный эффект достигается при комбинировании тактик поляризации и обвинения: сначала подчеркивается то, на чьей стороне Германия, – *Deutschland steht heute an der Seite der Ukrainerinnen und der Ukrainer* [10], а затем, помимо обозначения стороны, которую поддерживает ФРГ, следует обвинение в начале агрессивной войны: *Unsere Gedanken und unser Mitgefühl gelten heute den Opfern des russischen Angriffskriegs* [10]. Тактика обвинения реализуется при помощи существительного *den Opfern* ‘жертвам’ и сочетания имени существительного *des Angriffskriegs* ‘агрессивной войны’ с именем прилагательным, обозначающим объект дискредитации, – *russischen*.

Апогеем объективации тактики поляризации является противопоставление Путина и свободного мира: *...dieser Konflikt zwischen Putin und der freien Welt* [10]. Если предыдущие рассмотренные контексты, объективирующие тактику поляризации, содержали имплицитное противопоставление, то в последнем рассмотренном контексте имеет место эксплицитное противопоставление, реализуемое при помощи лексемы *Konflikt* в сочетании с указательным местоимением *dieser*, предлога *zwischen* ‘между’ и обозначения двух сторон конфликта – *Putin* и *der freien Welt* ‘свободным миром’.

Третьей конфронтационной тактикой, реализующей стратегию дискредитации, является тактика негативного прогнозирования.

Тактика негативного прогнозирования

Aber der Krieg wird sich auch als Katastrophe für Russland erweisen [10]. В данном примере негативный прогноз реализуется при помощи будущего времени глагола (*Futurum I*) *erweisen* и лексемы *Katastrophe*.

Тактика негативного прогнозирования выступает не только автономно, но и комбинируется с тактикой угрозы: *Doch schon sehr bald wird die russische Führung spüren, welch hohen Preis sie bezahlt. <...> Und wir behalten uns weitere Sanktionen vor, ohne irgendwelche Denkverbote* [10].

Негативный прогноз выражается при помощи *Futurum I* глагола *spüren* ‘чувствовать’, наречий, указывающих на то, что данный прогноз сбудется в кратчайшие сроки, – *sehr bald* ‘очень скоро’ и выражения *hohen Preis bezahlen* ‘заплатить высокую

цену’. Угроза ввода санкций усиливается во второй части предложения при помощи словосочетания *ohne irgendwelche Denkverbote* ‘без каких-либо внутренних ограничений’.

Тактика угрозы

Для политической коммуникации характерно минимальное использование эксплицитных способов выражения угрозы, чаще всего политики обращаются к имплицитным способам ее выражения. Однако господин Шольц в данной речи применяет эксплицитные способы объективации угрозы. Для усиления эффекта угрозы следуют одна за другой:

Wir schneiden russische Banken und Staatsunternehmen von der Finanzierung ab [10]. ‘Мыотрежем российские банки и государственные предприятия от финансирования’.

Wir verhindern den Export von Zukunftstechnologien nach Russland [10]. ‘Мы предотвратим попадание в Россию технологий завтрашнего дня’.

Wir nehmen die Oligarchen und ihre Geldanlagen in der EU ins Visier [10]. ‘Мы займемся олигархами и их счетами в Евросоюзе’.

Hinzu kommen die Strafmaßnahmen gegen Putin und Personen in seinem direkten Umfeld sowie Einschränkungen bei der Visavergabe für russische Offizielle [10]. ‘К этому прибавим меры наказания в отношении Путина и его ближайшего окружения, а также ограничения при выдаче виз для российских официальных лиц’.

Und wir schließen wichtige russische Banken vom Bankenkommunikationsnetz SWIFT aus [10]. ‘Мы отключим важные российские банки от коммуникационной сети SWIFT’.

На реальность озвученных угроз и их скорейшее осуществление указывает использование настоящего времени глагола (*Präsens*).

Помимо конфронтационной стратегии, направленной на Российскую Федерацию, в данных угрозах репрезентируется и кооперативная стратегия – объединение перед лицом врага: в данных предложениях в качестве подлежащего выступает личное местоимение *wir*.

Заключительная часть речи Олафа Шольца также богата угрозами, выраженными эксплицитно:

Und wir sind bereit, uns mit Luftabwehrraketen auch an der Verteidigung des Luftraumes unserer Alliierten in Osteuropa zu beteiligen [10]. ‘И мы готовы участвовать в защите воздушного пространства наших союзников в Восточной Европе с помощью зенитных ракет’.

Тактика приказа

Применение данной тактики подтверждает то, что конфронтационные стратегии сопряжены с от-

ступлением и даже нарушением этических, моральных и иных норм. Во время своей программной речи канцлер лишь единожды использовал тактику приказа. Он обратился с этим приказом к гражданам России, которые выходили на антивоенные митинги, что является прямым вмешательством во внутреннюю политику Российской Федерации: *Ihnen allen sage ich: Geben Sie nicht auf!* [10]. 'Им я говорю: не сдавайтесь!'. Для объективации приказа используется вежливая форма повелительного наклонения глагола *aufgeben*.

Исследование показало, что Олаф Шольц прибегает к использованию конфронтационных стратегий дискредитации, подчинения и убеждения для умаления авторитета, дискредитации своего оппонента, принуждения к совершению/отказу от выполнения действий, выгодных для адресанта и идущих вразрез с намерениями адресата.

Конфронтационные тактики репрезентируются преимущественно при помощи лексических единиц с негативной семантикой, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний. Для реализации тактики негативного прогнозирования используется *Futurum I*, для приказа – *Imperativ*. Тактика обвинения во многих случаях объективируется при помощи модального глагола *wollen*. Установлено, что конфронтационные тактики вербализуются как эксплицитно, так и имплицитно.

Заключение

Исследование позволило выявить две конфронтационные стратегии, которыми оперирует феде-

ральный канцлер Германии Олаф Шольц в своем выступлении: дискредитации, подчинения и убеждения.

Стратегия дискредитации превосходит стратегию подчинения и убеждения как по количеству реализующих ее тактик, так и по частотности использования. В число дискредитирующих тактик, применяемых О. Шольцом, входят тактики обвинения, негативного прогнозирования, поляризации. Данные тактики используются для репрезентации речевой агрессии как изолированно (автономно), так и комбинированно (в сочетании с другими тактиками). Выявлены следующие комбинации речевых тактик: тактика обвинения + тактика угрозы, тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования, тактика поляризации + тактика обвинения, тактика негативного прогнозирования + тактика угрозы.

Стратегия подчинения и убеждения объективируется при помощи двух тактик: угрозы и приказа. Выявлен единичный случай использования тактики приказа, адресованной к участникам антивоенных митингов в России. Тактика угрозы использовалась в речи канцлера гораздо чаще и выражалась преимущественно эксплицитно, что усиливало конфронтационную ретиорику Олафа Шольца.

В дальнейшем представляется перспективным продолжить изучение конфронтационных стратегий и тактик в текстах выступлений федерального канцлера Германии, а также языковых средств репрезентации речевой агрессии.

Список источников

1. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Знание, 2004. 294 с.
2. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.
3. Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи Tucker Carlson Tonight // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 1. С. 62–71. doi: 10.21603/sibscript-2024-26-1-62-71
4. Зиско О. Ю. Речевые тактики, реализующие конфронтационную коммуникативную стратегию подчинения и убеждения // Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования: сб. тезисов IV Международной научно-практической конференции памяти кандидата педагогических наук, доцента Н. А. Качалова. Томск, 2023. С. 140–144.
5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 433 с.
7. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2005. № 15. С. 5–32.
8. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. М.: РГГУ, 1999. 263 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 320 с.
10. Scholz O. Regierungserklärung in der Sondersitzung zum Krieg gegen die Ukraine vor dem Deutschen Bundestag am 27. Februar 2022 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/2131062/78d39dda6647d7f835bbe76713d30c31/bundestkanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.04.2024).

11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
12. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
13. Мощева С. В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации. М.: Русайнс, 2018. 324 с.
14. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
15. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 1. С. 26–33.
16. Гриценко Л. М. Коммуникативные стратегии и тактики, репрезентируемые прецедентными текстами (на материале чат-коммуникации) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 15–21.
17. Хлопотунов Я. Ю. Языковые приемы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1 (12). С. 63–68. doi: 10.30853/filnauki.2019.1.14
18. Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Обвинение как стратегия дискредитации администрации Дж. Байдена в американской медиакоммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 63–73. doi: 10.29025/2079-6021-2024-1-63-73

References

1. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchiye takniki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2004. 294 p. (in Russian).
2. Ozyumenko V. I. Mediynny diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii – k agressii [Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2017, vol. 21, no. 21 (1), pp. 203–220 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (accessed 12 March 2024).
3. Burmakova E. A., Polyakova N. V. *Kombinirovannyye takniki, realizuyushchiye rechevedencheskuyu strategiyu diskreditatsii administratsii D. Baydena: na materiale peredachi Tucker Carlson Tonight* [Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in Tucker Carlson Tonight]. *SibScript*, 2024, no. 26 (1), pp. 62–71 URL: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-62-71> (accessed 15 March 2024).
4. Zisko O. Yu. *Rechevyie takniki, realizuyushchiye konfrontatsionnyuyu kommunikativnyuyu strategiyu podchineniya i ubezhdeniya* [Speech tactics implementing a confrontational communicative strategy of subordination and persuasion]. *Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya. Sbornik tezisev IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati kandidata pedagogicheskikh nauk, dotsenta N. A. Kachalova* [Linguistic and cultural aspects of modern engineering education. Collected abstracts of the IV International Scientific and Practical Conference in memory of N. A. Kachalov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor]. Tomsk, 2023. Pp. 140–144 (in Russian).
5. Vorontsova T. A. *Rehevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Speech aggression: a communicative and discursive approach. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2006. 43 p. (in Russian).
6. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Dis. dokt. filol. nauk [Semiotics of political discourse. Diss. doc. philol. sci.]. Volgograd, 2000. 433 p. (in Russian).
7. Bazylev V. N. *Politicheskyy diskurs v Rossii* [Political discourse in Russia]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 2005, no. 15, pp. 5–32 (in Russian).
8. Altunyan A. G. *Ot Bulgarina do Zhirinovskogo: ideyno-stilisticheskyy analiz politicheskikh tekstov* [From Bulgarin to Zhirinovskyy: an ideological and stylistic analysis of political texts]. Moscow, RSUH Publ., 1999. 263 p. (in Russian).
9. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i takniki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 284 p. (in Russian).
10. Scholz O. *Regierungserklärung in der Sondersitzung zum Krieg gegen die Ukraine vor dem Deutschen Bundestag am 27. Februar 2022 in Berlin*. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/2131062/78d39dda6647d7f835bbe76713d30c31/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf?download=1> (accessed 1 April 2024).
11. Sternin I. A. *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [An introduction to speech impact]. Voronezh, 2001. 252 p. (in Russian).
12. Parshina O. N. *Strategii i takniki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii*. Dis. dokt. filol. nauk [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia. Diss. doc. philol. sci.]. Saratov, 2005. 325 p. (in Russian).
13. Moshcheva S. V. *Intentsional'nost' rechevogo povedeniya: sistema sredstv intensifikatsii* [The intentionality of speech behavior: a system of means of intensification]. Moscow, Rusains Publ., 2018. 324 p. (in Russian).
14. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostранovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, rechevedencheskikh taknik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienthemes]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1037 p. (in Russian).
15. Kirillova N. N. *Kommunikativnyye strategii i takniki s pozitsii nraivstvennykh kategoriy* [Communicative strategies and tactics from the position of moral categories]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseyeva. Seriya: Upravleniye v sotsial'nykh sistemah. Kommunikativnyye tekhnologii*, 2012, no. 1, pp. 26–33 (in Russian).

16. Gritsenko L. M. Kommunikativnyye strategii i taktiki, reprezentiruyemye pretsedentnymi tekstami (na materiale chat-kommunikatsii) [Communicative strategies and tactics, represented by precedent texts (based on the material of chat communication)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 1 (21), pp. 15–21 (in Russian).
17. Khlopotunov Ya. Yu. Yazykovyye priyomy realizatsii kommunikativnoy taktiki obvineniya v amerikanskom politicheskom diskurse [Language techniques of communicative accusation tactics realisation in the American political discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2019, no. 1 (12), pp. 63–68 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.14> (accessed 10 March 2024).
18. Burmakova E. A., Polyakova N. V. Obvineniye kak strategiya diskreditatsii administratsii Dzh. Baydena v amerikanskoy mediakommunikatsii [Accusation as a strategy to discredit the Biden administration in the American media]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 63–73 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-63-73> (accessed 20 April 2024).

Информация об авторах

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

Хоменко С. Е., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: sanfrond.white@gmail.com

Лузик О. А., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ул. Каменская, 56, Новосибирск, Россия, 630099).

E-mail: andrejewal88@gmail.com

Information about the authors

Polyakova N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

Khomenko S. E., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: sanfrond.white@gmail.com

Luzik O. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (ul. Kamenskaya, 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099).

E-mail: andrejewal88@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 02.05.2024; accepted for publication 24.05.2024